

Внешняя политика современной Польши

Юрий Седакин

Республика Польша (РП), позиционируя себя европейским государством с развитыми демократическими институтами и стремясь играть все более активную роль в Европейском союзе, декларирует свой внешнеполитический курс, как направленный на обеспечение «благоприятных международных условий, в полной мере гарантирующих безопасность, демократический государственный строй, права и свободы граждан и способствующих цивилизационной и экономической модернизации, равно как и повышению международного авторитета страны».

В этом, по утверждению министра иностранных дел РП Р.Сикорского, заключается «миссия» польской внешней политики, которая «при соблюдении норм международного права стояла и стоит на страже национальных интересов и стратегических целей в опоре на поддержку и укрепление демократии, равенства, солидарности, правопорядка, прав человека». Под национальными интересами, по словам министра, понимается «народное чувство контроля над своей судьбой» и национальная «конкурентоспособность – чтобы быть народу не только свободным, но и сильным».

Анализ заявлений и конкретных шагов находящегося уже более двух лет у власти нелиберального правительства Д.Туска позволяет заключить, что в практической внешней политике современной Польши четко прослежи-

ваются те ее основные приоритетные направления, которые сформировались еще в период вступления страны в Организацию Североатлантического договора (март 1999 г.) и Европейский союз (май 2004 г.) и которые затем «пе-

СЕДЯКИН Юрий Михайлович – кандидат исторических наук, советник МИД России в отставке. E-mail: jumis@mail.ru

Ключевые слова: Польша, внешняя политика, Европейский Союз, Восточное партнерство, НАТО, международная безопасность, региональная политика, США, ФРГ, Россия.

решили по наследству» к коалиционному правительству «Гражданской платформы» (ГП) и Польской Крестьянской партии (ПКП), пришедшему к власти осенью 2007 г. после победы ГП на парламентских выборах над консервативным объединением «Право и Справедливость» (ПиС) – партия неизвестных братьев Качинских.

Подтверждают такое заключение, например, прошедшие в апреле 2010 г. парламентские дебаты в Сейме Польши по поводу ежегодного внешнеполитического доклада правительства.

Власть предрежащие и их аналитические комментаторы говорят о преемственности политики правительства Д.Туска на протяжении последних лет, утверждая, что нынешнее состояние польской внешней политики отвечает тем принципиальным положениям, которые были приняты коалицией в начале своего правления. И результат, дескать, теперь таков, что Польша оказалась в первом ряду европейских игроков, в том самом месте, по выражению Р.Сикорского, где принимаются решения, определяющие направления политики европейских институтов. (Очевидно, польский министр имеет в виду Е.Бузыка, избранного новым европейским парламентом на пост своего председателя).

По словам руководителя комиссии Сейма (нижней палаты парламента) по иностранным делам А.Галицкого (ГП), польская внешняя политика – это политика диалога и открытости, благодаря чему Польша «по праву считается надежным партнером в мире, причем эффекты польской дипломатии замечены великими державами, то есть США и Россией».

По мнению самого премьера, достигнутые во внешней политике «несомненные и весьма значительные результаты», отвечающие чаяниям простых людей – развивать хорошие отношения со всеми соседями – сделали Польшу чуть ли не «лидером Новой Европы».

Д.Туск среди прочего особенно акцентирует польский вклад в успешную, как он считает, для Польши работу Климатического саммита ЕС (Брюссель, 10 декабря 2009 г.): Варшаве, мол, удалось создать широкую коалицию государств, согласовать их интересы, заручиться сильными и весомыми союзниками для польской концепции, что было бы невозможно без того уровня доверия, каким пользуется Польша в Евросоюзе.

К позитивным моментам нынешней внешней политики Польши наблюдатели относят также некоторые элементы стратегического планирования.

Так, в период до 2011 г. для координации действий на международной арене Варшава намерена совместить одновременное председательство в ЕС с работой в Совете Безопасности ООН в качестве непостоянного члена и участием в деятельности Совета по правам человека ООН и ЭКОСОС. В целом, что касается ООН, Польша является сторонницей ее укрепления, поддерживает общие направления реформирования Организации и меры по повышению ее эффективности.

В Варшаве большое значение придают реформе Совета Безопасности, необходимым условием расширения которого полагают предоставление дополнительного места непостоянного члена представителю Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), выступают за ограничение права вето постоянных членов СБ ООН.

Варшава выступает за реформирование ЭКОСОС, стремясь к его укреплению как института для координации международной политики в области экономики, и Секретариата ООН в контексте модернизации его деятельности в сфере администрации и управления.

Она также поддерживает деятельность Комиссии по миростроительству ООН, одной из основных задач которой – в польской интерпретации – должны стать «усилия по стабилизации постконфликтных государств».

В рамках деятельности Совета по правам человека ООН Польша выступает за создание универсального обзора соблюдения прав человека в разных странах.

Оппоненты и критики команды Д.Туска, прежде всего из лагеря «ПиС», сетуют, однако, что коалиционное правительство ГП – ПКП по-прежнему не использует имеющиеся у него «шансы укрепления безопасности и ускорения экономического, материального и цивилизационного развития», поскольку, мол, в его действиях – как внутри страны, так и на внешней арене – доминирует «принцип имиджа над субстантивностью»: налицо, мол, минимум действий, зато максимум хорошего впечатления.

Такого мнения, например, придерживается бывший заместитель министра иностранных дел, а ныне заместитель руководителя Бюро национальной безопасности РП В.Ващиковский, подчеркивая, что Польша из-за своей «провинциальной (!) политики перестала быть европейским и трансатлантическим игроком».

Главной целью Варшавы как «полновесного» члена ЕС остается последовательное реформирование евросоюзной аграрной и структурной политики ЕС, обеспечение благоприятного для Польши бюджета после 2013 г., реализация целей Лиссабонского договора, укрепление собственных позиций в контексте европейской внешней политики и политики в области безопасности.

Одной из своих основных внешнеполитических задач в рамках ЕС Варшава считает работу по укреплению сотрудничества с партнерами на постсоветском пространстве – через реализацию концепции «восточного» измерения внешней политики ЕС, нашедшего свое практическое воплощение, в частности, в проекте так называемого Восточного партнерства.

Эта политика включает, как известно, поддержку демократических и рыночных преобразований, меры по содействию построению правового государства, укреплению суверенитета, а также сближению и интеграции стран СНГ с западными структурами (расширение сотрудничества на политическом, экономическом и общественном уровне).

Эксперты считают, что со вступлением в ЕС Польша получила именно тот новый инструмент, благодаря которому смогла не только реализовать свою собственную восточную политику по отношению к Украине, России и Белоруссии, но и стала по прошествии 6 лет важным субъектом в восточной политике ЕС в целом.

Обратив, например, внимание Европы на Украину во время «оранжевой революции» 2004 г., Польша повлияла на мирное прохождение «оранжевой революции», считают польские аналитики. А инициировав совместно со Швецией проект Восточное партнерства, охватывающего Белоруссию, Украину, Молдавию, Азербайджан, Армению и Грузию, Польша, мол, добилась такого большого «восточного» успеха, который не могли не признать не только ее союзники, но и сама Россия, для которой Польша наряду с «еврограндами» стала теперь тем важным игроком в ЕС, не считаться с которым не получается.

Очевидно при этом, что членство в ЕС одновременно наложило на Польшу определенные ограничения в международном плане, в основном в отношениях с Россией, которые повлияли на смягчение польской антироссийской риторики в общих интересах Евросоюза.

Следует напомнить, что правительство Д.Туска, занимающее, как и возглавляемая им партия ГП, подчеркнуто

роевропейские позиции в современном польском политическом истеблишменте, одним из первых в Европе добились ратификации польским парламентом договора о реформе ЕС, продемонстрировав тем самым конструктивность своего подхода к евростроительству, исходя из принципов «доверия, компромисса и партнерства». Одновременно, по мнению Р.Сикорского, «мирная интеграция Европы» вполне соответствует польским национальным интересам, поэтому членство Польши в ЕС означает для поляков, по сути, «цивилизационный прорыв». Вместе с тем, Варшава продолжает выступать против передачи части своих полномочий Брюсселю, полагая, что ЕС должен оставаться союзом суверенных государств, «актором» экономическим, а не политическим. Польша настаивает на необходимости противодействия прослеживающейся в некоторых государствах-членах Евросоюза логике ренационализации, выступает в поддержку тех механизмов и позиций в ЕС, которые усиливают его общесоюзную и солидарную идентичность.

Относительно бюджета ЕС после 2013 г. варшавские политики выражают уверенность, что он позволит удовлетворить растущие политические и договорные амбиции Евросоюза, сводящиеся к предотвращению разделения государств-членов на богатых и бедных, и будет способствовать выравниванию различий между ними.

Последовательно проводя задекларированную «конструктивную политику» в рамках ЕС и демонстрируя в последнее время в целом все более взвешенный подход в отношении Москвы, правительство Д.Туска отказалось, например, от блокирования мандата ЕС на переговоры по заключению нового базового соглашения с Россией о партнерстве и сотрудничестве. В Варшаве

полагают, что изменение позиции стало возможным благодаря принятию Еврокомиссией польской «оговорки» о необходимости ведения переговоров с Россией в духе энергетической солидарности. Очевидно, что улучшение отношений с Россией команда Д.Туска старается использовать для придания еще большего веса польскому голосу при формировании общей восточной политики ЕС.

Одной из «привлекательных» целей Польши в контексте Восточного партнерства, например, является создание для охваченных им стран, а также для России и Западных Балкан, «дорожных карт» перехода к безвизовому передвижению.

Далее Д.Туск и его команда делают ставку на «эффективность» польского председательства в ЕС во второй половине 2011 г., подготовка к которому идет уже полным ходом. Определены и обнародованы главные приоритеты председательства, к которым относятся:

- проведение переговоров по так называемому Долгосрочному рамочному финансированию;
- нахождение новых способов оживления экономического роста после известного кризиса;
- дальнейшее развитие отношений с государствами Восточной Европы;
- решение насущных вопросов энергетической политики и энергетической безопасности ЕС;
- совершенствование общей политики безопасности и обороны.

В Европе, в рамках ЕС, Польша подчеркивает важность так называемого «веймарского триалога» (Берлин – Париж – Варшава).

Этот форум, первоначально созданный для «подтягивания» восточноевропейских стран, прежде всего самой

Польши, к ЕС, теперь рассматривается его участниками своеобразной «платформой равноправных партнеров», на которой можно инициировать создание новых перспективных и обсуждать совершенствование действующих и хорошо зарекомендовавших себя структур в Европе. По существу, у Польши в «Веймарском треугольнике» появился особый шанс вносить свой вклад в активное формирование европейской политики на стадии согласования актуальных и долгосрочных инициатив европейской повестки (осуществление европейских внешних сношений, в особенности с восточными соседями ЕС, решение вопросов европейской безопасности и оборонной политики, создание европейской внешнеполитической службы, подготовка политико-экономической повестки дня проекта «Европа 2020»).

Показательны боннские консультации министров иностранных дел стран «Веймарского треугольника» (27 апреля с.г.).

Министры пришли к единому мнению, что помимо участия в НАТО странам ЕС необходимо совместно развивать и европейскую обороноспособность. Они выступили с инициативой разработки стратегии планирования и проведения совместных операций ЕС и координации гражданских и военных составляющих, а практической моделью сотрудничества предлагают создание и доведение до состояния полной боевой готовности к первой половине 2013 г. совместного военного соединения «Веймарская бригада».

Очевидно, что ведущим политическим и торговым партнером Польши в Европе остается ФРГ, в отношениях с которой правительство Д.Туска решает задачу осуществления «партнерского диалога стратегического характера». Варшава, похоже, «дозрела» до того,

чтобы без лишних эмоций и комплексов работать с Берлином по исторической проблематике, искать точки соприкосновения по проблемам «изгнанных» из западных регионов Польши в 1945 г. немцев, однако ждет понимания и с немецкой стороны.

Тем не менее, в отношениях со своим западным соседом, вопреки официальным заявлениям о «наилучших отношениях в последние годы», список спорных вопросов остается по сути неизменным. Это по-прежнему касается в целом негативного отношения Польши к газопроводу «Северный поток», имущественных притязаний «изгнанных/перемещенных» лиц, а также интерпретации исторических событий недавнего прошлого. Вместе с тем, в политической Варшаве бытует выражение: «Польша очень много могут сделать вместе с немцами, но ничего не могут без них». Поэтому, мол, Д.Туск и установил нормальные рабочие отношения с канцлером А.Меркель.

Как писал недавно журнал «The Economist», теперь туда же дело идет и с Россией – после трагических событий 10 апреля с.г. под Смоленском. И если так пойдет дальше, то Европа может стать свидетелем того, что «следующая декада на континенте будет формироваться осью Берлин – Варшава – Москва».

Польша, конечно, активно развивает сотрудничество и с другими западноевропейскими странами, прежде всего с Францией, Великобританией и Италией.

Другой главной стратегической целью Польши во внешней политике остается дальнейшее **укрепление своих позиций в НАТО**: Варшава продолжает рассматривать эту организацию как основу системы европейской и глобальной безопасности и как фактор глобальной стабильности, а значит, и

за пределами зоны ответственности альянса.

В политическом плане Польша считает НАТО «союзнической трансатлантической сцепкой, спаивающей западную цивилизацию», в военном – гарантом так называемого «рационального прикрытия». При сохранении ведущей роли альянса в сфере безопасности Варшава исходит также из необходимости укрепления его европейской составляющей (Варшава выступает за «гармоничное развитие сотрудничества США с каждой европейской страной в отдельности, а также НАТО и ЕС как организации в особенности»). При этом она активно поддерживает натовскую политику «открытых дверей» в качестве «интегрального элемента стратегии расширения».

С учетом претензии Польши на роль проводника интересов НАТО к востоку от границ Евросоюза ее отношения с альянсом приобрели в последнее время особый характер: военно-политическое руководство страны оказывает активную военно-политическую поддержку странам-кандидатам в процессе их интеграции в альянс.

В этом контексте поляки выступают за углубление взаимодействия с Хорватией, Албанией, Македонией, а также с Украиной, Молдавией, странами Закавказья и среднеазиатскими республиками, а при эвентуальном изменении политической ситуации – и с Белоруссией.

Наиболее активно, однако, они высказываются в пользу наращивания сотрудничества НАТО с Украиной и Грузией, вплоть до их приема в альянс. Вступление в НАТО Грузии, например, по мнению поляков, позволило бы обеспечить альтернативные и безопасные поставки в Европу энергоносителей нероссийского происхождения – из районов Каспийского моря и Средней Азии.

Хорватия, в свою очередь, считается в Варшаве противовесом российских интересов на Балканах.

Поляки проявляют заинтересованность в усилении политического и военного значения НАТО и повышении своей собственной роли как активного члена организации, однако считают, что в последние годы альянс стал заметно терять «наступательность», все больше превращаясь в дискуссионный клуб. По их мнению, например, «старая» Европа, не замечая угрозы «имперских амбиций Москвы», проявляет легкомыслие, сокращая военные расходы, не желая активно участвовать в «миротворческих» операциях в Ираке и Афганистане, не отстаивая законных интересов новых членов НАТО. Поэтому, участвуя в работе группы экспертов по разработке новой натовской Стратегической концепции перед лицом современных вызовов, Варшава постоянно напоминает о необходимости сохранения оборонного характера альянса и обеспечения им гарантий безопасности, вытекающих из ст. 5 Вашингтонского договора, в том числе коллективной защиты от угроз, прежде всего, в сферах нераспространения ядерного оружия, терроризма, включая киберпреступность, и энергетики. Особенно активно польская сторона поддерживает предложение США, чтобы НАТО взяло на себя ответственность за обеспечение энергетической безопасности своих членов.

Другим концептуальным приоритетом на натовском треке Варшава считает расширение возможностей альянса проводить в одиночку или вместе с ЕС, ООН, ОБСЕ и другими международными организациями «стабилизационные операции за пределами его классической зоны ответственности». Поэтому одной из главных задач реформирования Североатлантического

союза Польша видит также в создании хорошо оснащенных, компактных и мобильных вооруженных сил, способных действовать в любой точке земного шара.

В Варшаве активно не возражают против укрепления взаимодействия НАТО и России, однако неизменно подчеркивают, что это взаимодействие не должно осуществляться в ущерб военным и оборонным функциям альянса.

Соединенные Штаты для Польши по-прежнему являются стратегическим партнером номер один, во всяком случае, так она этого желает, одновременно претендуя на роль «испытанного союзника» США в Центральной и Восточной Европе. Польская дипломатия считает военное сотрудничество и политический диалог с этой страной самым приоритетным направлением внешней политики РП.

В опоре на стратегический союз с Вашингтоном Варшава надеется и дальше укреплять свои позиции в Европе, а также, по возможности, за ее пределами. Польское руководство, политическая элита и органы массовой информации страны постоянно и повсеместно подчеркивают свое дружеское, чуть ли не «благоевечное» отношение ко всему американскому: политике, экономике, науке, культуре. Поляки активнее всех выступают в поддержку любых американских инициатив и готовы отстаивать американскую позицию в ущерб отношениям с другими странами или собственным торгово-экономическим интересам.

Варшава, например, безоговорочно поддерживает позицию США по отношению к атомной программе Ирана, к проблеме урегулирования ближневосточного конфликта, упорно критикует Китай за нарушение прав человека.

Соединенные Штаты, со своей стороны, оказывают Польше финансовую,

материальную и моральную помощь и поддержку. На полном финансовом обеспечении находятся практически все неправительственные организации в Польше, через которые американцы, по сути, формируют общественное мнение, оказывают влияние на решения руководства страны, вырабатывают рекомендации по вопросам внешней и внутренней политики.

Через механизм двусторонних «стратегических консультаций» американцы активно участвуют в расстановке кадров в польском истеблишменте, отдавая приоритет лицам, прошедшим обучение в Соединенных Штатах или приобретшим там профессиональный опыт.

В то же время американский бизнес не торопится ни вкладывать деньги в польскую экономику, ни особо развивать торгово-экономические отношения.

Товарооборот двух стран не превышает 2 млрд. долл. в год, а по инвестициям США даже не входят в первую десятку стран-инвесторов.

Более того, в Белом Доме не рассматривают Польшу проводником своей политики в Европе, делая на континенте ставку на ФРГ и Великобританию, а это задевает самолюбие поляков. В настоящее время Польша стремится укрепить свое стратегическое взаимодействие с Вашингтоном за счет отмены американских виз для своих граждан, американского финансирования и материальной модернизации вооруженных сил страны, привлечения в страну из США новейших технологий.

В связи с изменениями планов Вашингтона относительно создания в Европе третьего позиционного района ПРО США и решением установить пока в Чехии и Польше зенитно-ракетные комплексы «Пэтриот», двусторонние польско-американские переговоры

о глобальных противоракетных системах переросли в обсуждение создания на территории Польши базы американского военного присутствия в поддержку польских вооруженных сил.

На сегодняшний день стороны договорились о размещении недалеко от границы с Калининградской областью России американских «Пэтриотов» «для замены старых ракет и в целях обучения», как подчеркнул в недавнем интервью телеканалу «Russia Today» Р.Сикорский.

При этом он заявил, что «эта исключительная система обороны» является союзнической реакцией на размещение Россией 300 ракет на польской границе с Белоруссией в рамках системы ПРО и не для того не представляет угрозы.

Согласно польско-американской договоренности, в населенном пункте Моронге уже в нынешнем году появится батарея ракет «Пэтриот» вместе с обслуживающим ее персоналом численностью до роты. Сначала американская база будет иметь временный статус, но с 2012 г. она станет постоянной. Тогда туда придут еще ракеты SM-3, предназначенные для уничтожения баллистических ракет потенциального противника. Российский МИД, разумеется, выразил свою обеспокоенность «ничем не обоснованной противоракетной активностью США на территории Польши».

Со ссылкой на министра иностранных дел России С.Лаврова, пресс-служба министерства заявила, что в то время, когда проводятся прямые консультации по вопросам глобальной ПРО между российскими и американскими экспертами, сюрпризов, подобных польскому, «лучше было бы избегать».

Еще одной приоритетной внешнеполитической задачей Польша считает **обеспечение собственного регионального лидерства** в Центральной и Восточной Европе, с претензией, в частности, на главного соавтора в реализации восточной политики Евросоюза. Суть этой политики, как уже отме-

чалось, сводится к «подтягиванию» к ЕС – во взаимодействии с США и другими союзниками – Украины, Молдавии и Грузии, осуществлению «прагматичного» партнерства с Россией, содействию «демократизации» Белоруссии, сотрудничеству со среднеазиатским и черноморским регионами. И все это, мол, для создания «общего пространства мира и благосостояния».

Правительство Д.Туска делает еще больший акцент на польском приоритете в вопросе формирования этой политики и придании ей соответствующей динамики за счет тесного взаимодействия в формате Вышеградской четверки с балтийскими странами, Румынией, Болгарией и даже Швецией. Другими формами регионального сотрудничества, которое Польша считает важными для интеграционных процессов в Европе в целом, остаются Центральноевропейская инициатива (1989 г., польское участие с 1991 г.) и Совет государств Балтийского моря – СГБМ (1992 г.). Польша поддерживает в них политический диалог по региональным вопросам для дальнейшей интеграции континента. В СГБМ, помимо этого, она делает акцент на координации действий по охране окружающей среды Балтики, развитию энергетической и транспортной инфраструктуры, упрочению связей между балтийскими государствами и ЕС. Польша имеет также статус наблюдателя в Совете Баренцево – Евро-Арктического региона и Организации Черноморского экономического сотрудничества.

На «восточном направлении» Польша активно сотрудничает с соседними странами, прежде всего с Литвой и Украиной, партнерству с которыми придается «стратегический» статус. Курс на сближение с **Литвой** – прежде всего, похоже, для дифференциации

энергопоставок – иным аналитикам представляется чуть ли не попыткой воссоздать «Речь Посполитую Обоих Народов». Считается, что именно стратегическое партнерство с Литвой уверенно может обеспечить Варшаве роль регионального лидера. Тем более что в разработанной в самой Литве «Стратегии по сдерживанию России» за Польшей таковая признается.

Варшава остается неизменным сторонником перспектив евроинтеграции **Украины**, ее членства в ЕС и НАТО. Основное внимание в отношении с Киевом – независимо от недавней сменой правления на Украине – она уделяет приданию необратимого характера механизму наращивания взаимодействия между двумя странами, в том числе в развитии межлических контактов и культурно-гуманитарного обмена, трансграничного сотрудничества, прежде всего с западными областями.

Существующие сложные вопросы исторического досье Польша старается выстраивать через линию на примирение и избежание открытой конфронтации, продолжая акцентировать позитив в плане поиска общих оценок «тяжелого и болезненного прошлого» (например, Вольнская трагедия 1943 г.).

В политических отношениях Польши и **Белоруссии** по-прежнему не снимается напряженность в связи с попытками Варшавы вмешиваться во внутренние дела Минска (последствия принятия закона о «Карте поляка», например, или ситуация с официальным и неофициальным союзами поляков в Белоруссии) и привлекать международные структуры, прежде всего Евросоюз, к «содействию демократизации» Белоруссии. Следуя в фарватере ЕС и США на поддержание бойкота официального Минска, Варшава, тем не менее весьма заинтересованно относится

к развитию польско-белорусского торгово-экономического и межрегионального сотрудничества. В отношении Белоруссии и Евросоюза правительство Д.Туска демонстрирует готовность оказывать ей поддержку там, где будет проявляться открытость этой страны на Европу, будут соблюдаться права человека, политические права оппозиции, будут иметь место диалог и компромисс. В рамках проекта Восточного партнерства, например, Польша заинтересована в привлечении Белоруссии и к работе в «Евронесте» – парламентском формате Восточного партнерства, который предполагается запустить во второй половине 2010 г. Однако из-за разного подхода к депутатскому представительству в этой структуре (Брюссель желает видеть в белорусской группе и представителей оппозиции, Минск же ведет речь только о «законно избранных» парламентариях) сохраняется напряженность и на этом участке сотрудничества ЕС и Белоруссии.

В целом, Польша высказывается за укрепление независимости и суверенитета постсоветских государств, не приветствуя процессы интеграции на пространстве **СНГ**. Чтобы как-то воспрепятствовать таковым, она делает упор на наращивание «ткани взаимодействия» как с политэлитой, так и с общественностью, интеллектуальными и молодежными кругами стран Содружества, чтобы вызвать заинтересованность у них «привлекательностью западных ценностей».

В конечном итоге усилия Варшавы в «восточном направлении» направлены на ослабление российского влияния в Восточной Европе – на пространстве бывших союзных республик.

Что, собственно, ею и не скрывается. Тем не менее, понимая значение и роль современной России в глобальной мировой политике, правительство

Д.Туска подчеркивает важность для Варшавы **отношений с Москвой**, выступает за урегулирование сохраняющихся проблем в двусторонних связях: от формирования новых стратегических направлений сотрудничества, конструктивного обсуждения так называемых трудных вопросов, вытекающих из совместной истории, до практического решения целого ряда конкретных вопросов, стоящих на повестке дня уже многие годы, например, проблемы пресловутого эмбарго на ввоз польского мяса в Россию (на сегодняшний день всего лишь 9 польских предприятий получили российские сертификаты, позволяющие экспортировать их продукты в РФ).

Заметное оживление польско-российских контактов произошло после визита польского премьера на мероприятия по случаю очередной годовщины Катынских событий и особенно после трагической гибели под Смоленском президента Л.Качиньского и части польской военно-политической элиты.

На ближайшие месяцы спланирован график работы основных механизмов взаимодействия, формальный «перезапуск» которых состоялся в начале 2008 г. во время первого визита Д.Туска в Москву в качестве нового польского премьера. Речь идет о работе межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству, комитета по вопросам стратегии российско-польского сотрудничества под председательством глав МИД двух стран, группы по сложным вопросам, вытекающим из истории двусторонних отношений, форума общественности и форума регионов, действующего под эгидой верхних палат парламентов двух стран.

Перспективная задача – налаживание активных молодежных обменов наряду с дальнейшим развитием культурно-гуманитарной составляющей двусторонних отношений, которая неизменно способствует улучшению их климата.

Однако поляки по-прежнему, во всяком случае пока, не выделяют отношения с Москвой в разряд хотя бы формально приоритетных направлений своей внешней политики, оставляя их в контексте «восточной политики» Польши и ЕС в целом. Характерно, что даже в МИД Польши двусторонними связями с Россией среди прочего занимается Департамент восточной политики.

Скептически рассматривают перспективы развития контактов на линии Варшава – Москва, прежде всего, оппозиционно настроенные к правительству Д.Туска «ПиС» и политические силы, находящиеся под влиянием Польского костела. Оппоненты Д.Туска спекулируют отношением России к Польше якобы как к «второсортному партнеру», что, мол, нашло выражение в выступлении российского премьера В.Путина в Гданьске на торжествах по случаю 70-летия начала Второй мировой войны. Дескать, В.Путин «вещал» там поверх польских голов, обращаясь скорее к своему народу и к немцам за Одером. А в Катыни 7 апреля, по мнению «ПиС», российский премьер так и не упомянул слово «преступление» и не попросил за него прощения.

Тем не менее, улучшение отношений с Россией объективно становится одним из естественных главных направлений внешней политики Польши – приходит на смену, по хлесткому журналистскому определению, «болезненному, почти параноическому польскому национализму», который вызывает недоумение не только в России, но и на Западе. Хотя бы по той простой причине, что эта страна представляет собой естественное «региональное связующее звено» между западом и востоком Европы и поэтому «обречена» нормализовать свои отношения как с первым, так и со вторым. Что, кстати, повысило бы и ее региональную значи-

мость, в которой Польша так заинтересована. Не говоря уже о выгодах чисто экономического, «транзитного» характера: Россия является вторым по величине – после Германии – торговым партнером Польши.

Несмотря на общие кризисные тенденции в мировой экономике, двусторонний товарооборот по итогам 2009 г. составил 16,7 млрд. долл. и в январе-феврале 2010 г. достиг 3,64 млрд. долл., что более чем в два раза превышает аналогичный результат 2009 г.).

У обеих сторон наблюдается заинтересованность в увеличении объемов взаимной торговли, в заключении новых соглашений о поставках в Польшу энергоносителей. Так, уже составлен новый протокол по долгосрочным поставкам российского газа в Польшу: в 2010 г. Россия поставит Польше 9,7 млрд. куб. м газа, в 2011 г. – 10,5 млрд. куб. м, в 2012–2037 гг. – по 11 млрд. кубометров ежегодно.

Кроме того, в 2011 г. должна завершиться модернизация польских нефтеперерабатывающих заводов, что также позволит расширить возможности для энергетического сотрудничества: поставки нефти из России могут возрасти.

Но что действительно не хватает в современных российско-польских отношениях, так это так называемого человеческого фактора. Десятилетия умышленного забвения позитивных примеров сотрудничества и добрососедства,

а также нагнетания по тем или иным причинам взаимной неприязни, не прошли бесследно.

По словам бывшего посла России в Польше Л.Драчевского, российский и польский народы, столь близкие по психологическим качествам, годами были разделены идеологией; поэтому «в долгосрочном смысле от обеих сторон потребуются огромные усилия, чтобы взаимоотношения стали стабильными», – действительно, чтобы преодолеть закостенелые стереотипы и жить совместным будущим, а не разделяющим прошлым.

Существовали же дружеские отношения между нашими странами более 40 послевоенных лет, в течение которых ни в Москве, ни в Варшаве старались не бередить старые раны, а думать о решении общих задач. Вот и теперь, похоже, снова намечается тенденция «строительства взаимных отношений в духе эмпатии (еще не симпатии, но уже не антипатии) и доброй воли», как можно все чаще слышать из уст польских политологов. Российский официальный подход ясен и однозначен – необходимо выстраивать прагматичные, взаимоуважительные отношения, формировать такую атмосферу двусторонних связей, которая способствовала бы их поступательному развитию в духе конструктивности и подлинного добрососедства.

Как будет разворачиваться внешнеполитический курс Польши после июньских выборов нового президента, однако, будет зависеть от того, какой политической силе удастся одержать победу. Если на пост главы государства будет избран политик из лагеря правящей «Гражданской платформы», то евроцентристский и все больше разворачивающийся в сторону России внешнеполитический курс правительства Д.Туска, похоже, получит стимул для дальнейшего развития и упрочения.

В случае если победит председатель «ПиС» Я.Качинский, нельзя исключать, что он будет скорее блокировать законопроекты действующего правительства и противостоять попыткам, например, войти в еврозону (одна из актуальных финансово-экономических задач команды Д.Туска, хотя ею и не форсируемая) в точности так же, как это делал его погибший брат.

Аналитики полагают, что кроме этого во внешней политике Я.Качинский вполне способен занять националистические позиции, а это, если так произой-

дет на самом деле, может повредить отношениям с Евросоюзом, Германией и Россией.

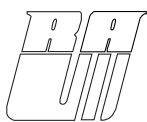
«Националистические позиции» во внешней политике по существу раскрыл в недавнем интервью интернет-изданию «*Newsweek.pl*» вышеупомянутый В.Ващиковский.

На вопрос корреспондента, как он относится к символическим жестам примирения со стороны России 7 апреля в Катыни, польский консервативный политик сказал следующее: «Россия борется в настоящее время за новый передел в Европе. Она хочет расколоть ЕС и НАТО, прилагает усилия для того, чтобы восстановить свое влияние на пространстве восточного блока. Россия ведет борьбу за новую архитектуру безопасности, успешно преодолела противоракетный «щит» США, оттесняет на задний план политику Евросоюза восточного партнерства. Поэтому катынский жест следует понимать именно в таком контексте.

Это – жест в сторону Европы и мира, говорящий: мы можем себе позволить поехать в Катынь и минимально удовлетворить поляков с тем, чтобы те больше не разыгрывали катынскую карту».

В целом, как бы там ни было, Польша сегодня уже стала весьма заметным игроком во внутренней и внешней политике Евросоюза, наладила или заметно налаживает нормальные и конструктивные отношения со своими главными соседями – Германией и Россией, какими бы сложными они не представлялись при ретроспективном рассмотрении, в некотором смысле даже «эмансипировалась» и от навязанной самой себе безоговорочной зависимости от североамериканского влияния.

Все это – объективные внешнеполитические успехи правительства Д.Туска, которые не могут не повлиять на «перезагрузку» переоценки отношений с внешним миром не только польским политическим истеблишментом, но и самим польским обществом.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru